

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э.

Введение

Вопросы культурно-хронологической интерпретации исследуемых объектов для археологов всегда будут иметь одно из первостепенных значений. Поэтому, даже предварительная систематизация археологического материала по отдельному региону становится основой для всякого рода исторических реконструкций. Главное, чтобы предложенная исследователем культурно-историческая схема не стала догмой и могла мобильно менять свои очертания под воздействием новых данных и более совершенных методов анализа археологического материала.

Придерживаясь этих позиций, попытаемся охарактеризовать один из периодов в истории населения западного побережья Байкала, охватывающий поздний бронзовый - железный века. Время с I тыс. до н.э. по I тыс. н.э. на территории Предбайкалья связан с разделением населения региона на два культурно-хозяйственных типа: 1) с преобладанием в хозяйстве охоты, собирательства и отчасти рыболовства; 2) с преобладанием скотоводства. В это время происходит знакомство, а затем и переход к скотоводству большей части населения региона. Есть основания считать, что в середине I тыс. до н.э. население Предбайкалья начинает изготавливать железные орудия, ставшие к концу тысячелетия преобладающими в производстве продуктов жизнеобеспечения. К середине II тыс. в регионе складывается несколько этнических сообществ, ставших составными частями двух крупнейших народов Прибайкалья - бурят и эвенков.

Раньше остальных районов с навыками скотоводства и железными изделиями познакомились жители Байкальского побережья, а уже затем и других районов Предбайкалья. Именно Байкальская культурно-историческая область и стала тем мостом, который соединил Предбайкалье с восточными регионами, и именно в традициях ее населения наиболее отчетливо проявляется культурное влияние Забайкальской области. Для того чтобы проследить историю этой части Прибайкалья, используем культурно-хронологическую периодизацию, основанную на материалах погребальных комплексов (Харинский, 2001: 105-106).

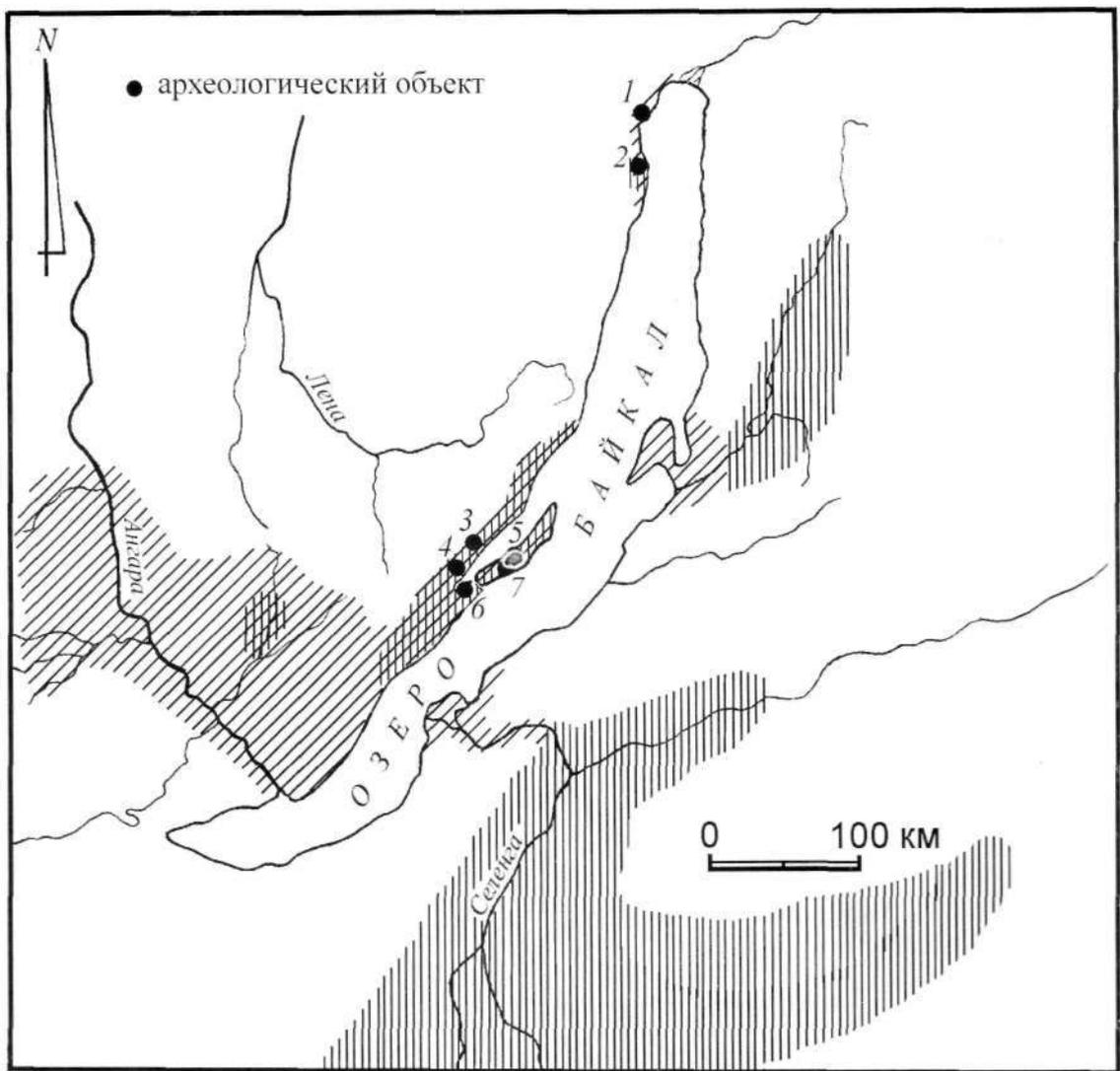
Данный подход удобен для анализа событий прошлого, происходивших на ограниченной территории. С помощью него фиксируются культурные явления, характерные только для исследуемого района, в независимости от их территориальной и хронологической локализации в соседних областях. Это бывает особенно важно в тех случаях, когда какое-либо культурное явление имеет асинхронный характер в разных районах.

Бутухейский период

Самые древние останки домашних копытных животных обнаружены на территории Предбайкалья в погребениях с надмогильной конструкцией в виде оградки из вертикально установленных каменных плит - *плиточных могил* (Харинский и др., 1995; Туркин, 2003). Их наличие свидетельствует о том, что в жизни людей, оставивших эти погребальные сооружения, животноводство играло немаловажную роль. Исходя из специфики своего хозяйства, строители плиточных могил жили именно в тех районах Предбайкалья, где имелись остепненные участки, пригодные для выпаса значительного количества скота. В настоящее время погребения этого типа отмечены в трех районах Предбайкалья - Приольхонье, Кудинской долине и на северо-западном берегу Байкала (Харинский, 2001:107) (рис. 1).

Отсутствие в Приольхонье до конца II тыс. н.э. погребальных конструкций, напоминающих плиточные могилы, позволяет говорить о привнесении традиций строительства подобных сооружений из соседнего с Предбайкальем региона. Этим регионом было Южное Забайкалье и Восточная Монголия, где плиточные могилы фиксируются, начиная с XIII в. до н.э. (Цыбиктаров, 1998 : 114). Первая волна миграции скотоводов из Забайкалья в Предбайкалье относится к концу II тыс. до н.э. И в дальнейшем, вплоть до середины I тыс. до н.э. контакты между носителями культуры плиточных могил, живших по обоим берегам Байкала, не прекращались.

Наряду с плиточными могилами в конце II - I тыс. до н. э. в Предбайкалье сооружались погребальные

- Территория распространения плиточных могил
 Территория распространения бутухейских погребений

Рис. 1. Карта распространения бутухейских погребений и плиточных могил в Прибайкалье: 1 - Сеногда (Котики); 2 - Байкальское I, Байкальское XXXI; 3 - Хадарта II; 4 - Хужир-Нугэ III; 5 - Хужир II; 6 - Итерхей V; 7 - Тышкинз III

конструкции с плоскими каменными надмогильными кладками кольцевой формы. Как и в плиточных могилах, погребенные в них располагались вытянуто на спине, головой на юго-восток. В Приольхонье захоронения этого типа выделены О.И.Горюновой в *бутухейскую* группу погребений (Горюнова, 1993). Благодаря исследованиям последних лет эта группа существенно дополнена, уточнены особенности погребального ритуала и расширены географические и хронологические рамки существования бутухейской погребальной традиции (Туркин, 2004). Синхронное существование в Приольхонье в I тыс. до н. э. различных способов оформления надмогильных конструкций указывает на совместное проживание

здесь разнородных групп населения, отличающихся своими культурными особенностями.

Распространение на западном побережье Байкала бутухейских захоронений и плиточных могил знаменовало наступление в регионе нового культурно-хронологического этапа. Г.В.Туркин предлагает назвать его бутухейским и датировать XIV-VII вв. до н.э. В начале этапа местное население придерживается бутухейской погребальной традиции. Позднее, в XII в. до н.э., в Приольхонье проникают скотоводы, оставившие плиточные могилы тырганского типа. Вероятно, в это время сосуществование двух традиций было раздельным. Период с VII по III в. до н.э. Г.В.Туркин именуется хужирским этапом. Он

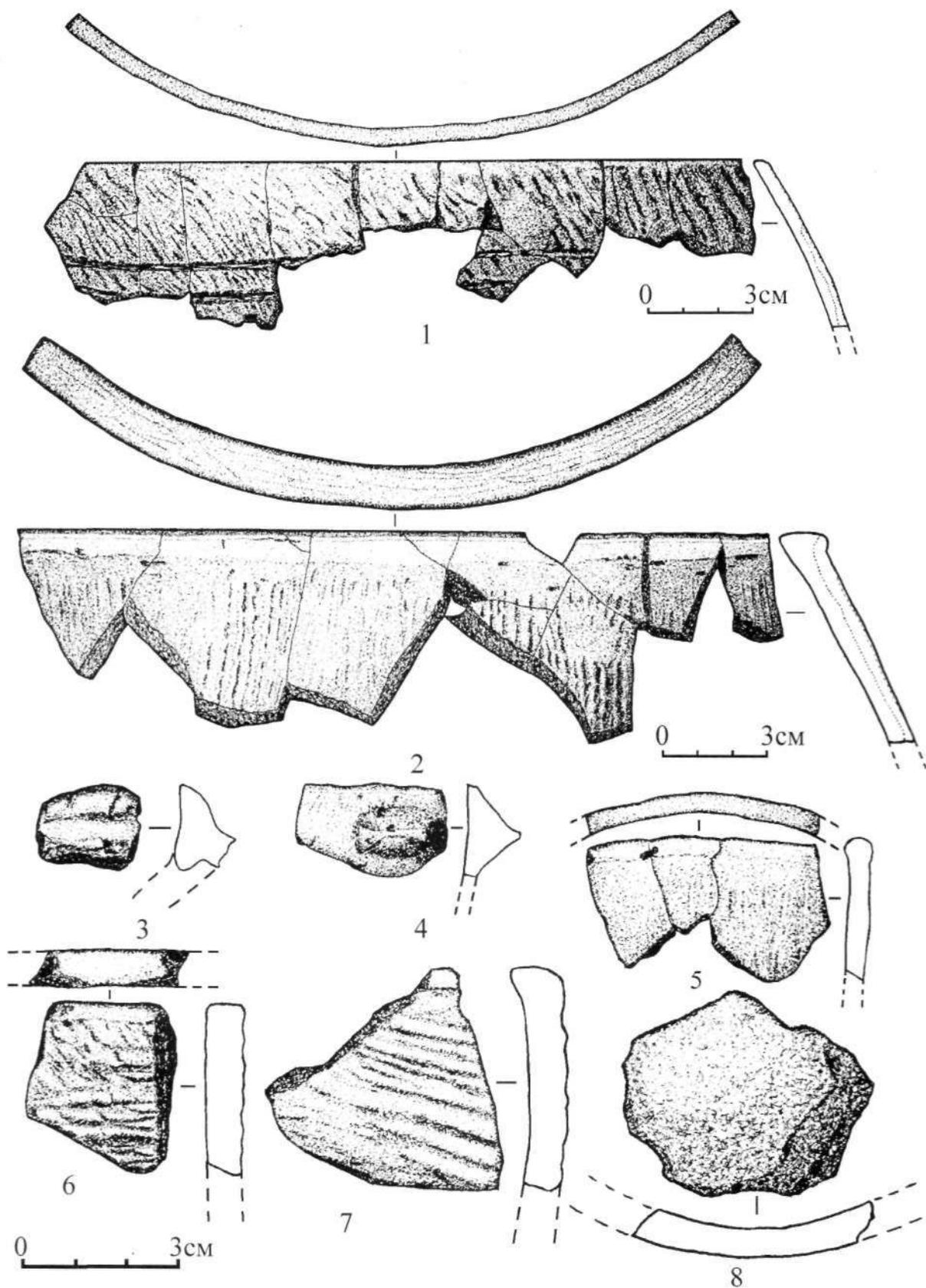

Рис. 2. Ранний комплекс керамики сеногдинского типа. Байкальское XXXI, комплекс № 7, керамика

характеризуется появлением новых погребальных конструкций, в том числе и из Забайкалья (хоторукский тип). Наряду с хоторукскими начинают сооружать и плиточные могилы хужирской группы, в которой фиксируется самое раннее на настоящий момент изделие из железа (Хужир IV-9). В VI-V вв. до н.э. в Приольхонье отмечаются наиболее поздние бутухей-

ские погребения. В это же время появляется хужирногуйская группа плиточных могил, существовавшая вплоть до III в. до н.э. (Туркин, 2003; 2004; 2004а). На северо-западном берегу Байкала бутухейские захоронения фиксируются еще до начала I тыс. н.э. По костям погребенных из могильника Байкальское XXXI получены радиоуглеродные даты: комплекс № 4 -

1980±65 л.н. (СОАН-4323) (Харинский, 2001: 63), комплекс № 8 - 2025±75 л.н. (СОАН-4878) (Харинский, 2004).

Период с конца II до конца I тыс. до н.э. в истории Байкальской историко-культурной области уместно назвать бутухейским, включая в него два этапа - бутухейский и хужирский. Если исходить из технологической классификации, используемой археологами, его начальный период можно сопоставить с поздним бронзовым веком. Правда, окончательно поставить знак равенства между поздним бронзовым веком и появлением бутухейских погребений и плиточных могил на западном берегу Байкала преждевременно. Эти понятия могут не совпадать. До сих пор понятие "поздний бронзовый век" в археологии Предбайкалья не имеет достаточно четкого определения. Не ясно, что знаменует его наступление, какие технологические новации позволяют говорить о переходе от «развитого» к «позднему» бронзовому веку. Пока этот вопрос будет оставаться открытым, хронология и идентификация позднего бронзового века Предбайкалья не приобретут конкретных очертаний. Поэтому в рамках этой статьи понятие "поздний бронзовый век" используется условно. Наступление следующего технологического этапа - железного века связано с появлением первых изделий из железа и соотносится с хужирским этапом. Следовательно, часть плиточных и бутухейских могил можно отнести к позднему бронзовому веку, а часть - к железному, что влечет несоответствие культурной и технологической классификаций.

С технологической точки зрения переход от одного периода к другому определяется изменением в наборе орудий, отвечающих за жизнеобеспечение человеческого коллектива. К ним можно отнести следующие категории инвентаря: бытовые вещи, керамику, оружие и конское снаряжение. В раннем железном веке Предбайкалья (VIII-III вв. до н.э.) они изготавливались из камня, кости и бронзы, а в развитом железном веке - преимущественно из железа.

Важным элементом, характеризующим, помимо погребальных конструкций, культуру жителей западного побережья Байкала в конце II - I тыс. до н.э., является глиняная посуда. В плиточных могилах преимущественно встречается керамика с оттисками "шнура" с внешней стороны (технический декор), сосуды плоскодонные или с поддоном, венчик овальный внешнеасимметричный, отогнутый наружу. Поверхность сосудов орнаментировалась одним или несколькими рядами горизонтальных налепных валиков. На некоторых сосудах валики приобретают волнистый вид в результате двухсторонних ногтевых вдавлений. Одними из наиболее часто встречающихся элементов орнамента являются "личиные" (овальные гребенчатые) вдавления. Они располагаются с внешней или внутренней сторон венчика, рассекают валик или украшают тулово сосуда (рис. 3 - 1 -6).

Одним из первых на своеобразие керамики с оттисками шнура обратил внимание В.В.Свинин, датировавший ее поздним бронзовым веком. На второй губе бухты Котики (Сеногда) на Северном Байкале им была собрана коллекция шнуровой

керамики. Сосуды имели округлое или уплощенное дно с налепным поддоном. Венчик, как правило, слегка отогнут и украшен толстым валиком по краю с косыми насечками узкой боковой гранью шнуровой лопаточки, применявшейся при изготовлении сосуда. Выше или ниже валика шел ряд тонких сквозных отверстий. Иногда валик орнаментирован ногтевыми зашипами. Весь сосуд до самого днища покрыт горизонтальными или вертикальными поясками тонкого налепного рассеченного валика, треугольного в сечении. Валики прямые или волнистые, с ногтевыми зашипами. Поддон без оттисков шнура (Свинин, 1966: 1976).

Для облегчения систематизации археологических материалов из Прибайкалья в дальнейшем предлагается именовать керамику с оттисками шнура, орнаментированную налепными валиками, керамикой *сеногдинского тунга* (Харинский, Карнышев, 2003). На мой взгляд, это название более правомерно, поскольку именно керамика с берегов этой бухты раньше всего получила достаточно детальное описание. Предложенное Г.А.Воробьевой и О.И.Горюновой название для шнуровых сосудов на поддонах переходного периода к железному веку (2.7-2,6 тыс. л.н.) - керамика тышкинейского типа (Воробьева, Горюнова, 1996) - тоже имеет право на существование. Правда, исследования на стоянке Тышкинэ проводились позже, чем на берегах бухты Сеногда. Описание тышкинейского типа носит очень общий характер, что не позволяет в полной мере представить его характерные черты.

Сеногдинский тип керамики фиксируется в плиточных могилах как на территории Предбайкалья, так и в Забайкалье. А.Д. Цыбиктаров таким образом характеризует керамику плиточных могил Забайкалья и Монголии на чулутском этапе (XIII-VIII вв. до н.э.): «...сосуды имели баночную или горшковидную форму. Поверхность их имела следы выбивания колотушкой, обмотанной нитями, или гладкостенная. Чаще всего они украшались рассеченными или гладкими валиками, оттисками гребенчатого штампа, ямками, насечками» (Цыбиктаров, 1998: 121). На ацайском этапе (VIII-VI вв. до н.э.) керамика в большинстве своем стала иметь гладкостенную поверхность. Украшается валиками и ямками, не фиксируется гребенчатая техника (Цыбиктаров, 1998: 122). Вероятно, переселяясь на западный берег Байкала, носители культуры плиточных могил принесли с собой и новый тип керамики, ставший на несколько веков основным на территории лесостепного Прибайкалья.

Обращаясь к вопросу генезиса керамики сеногдинского типа, попытаемся выделить ее наиболее ранние формы на территории Предбайкалья. Керамика с оттисками шнура встречается в регионе еще в эпоху неолита. Но в это время она не становится определяющей в составе керамических комплексов и фиксируется в течение кратковременного периода (Горюнова, Савельев, 1991). Вновь керамика с оттисками шнура на побережье Байкала появляется в конце II тыс. до н.э. Она отмечена в плиточной могиле Итерхея V (Приольхонье). Обнаруженный в ней сосуд закрытой формы с плоским дном, устье не выражено.

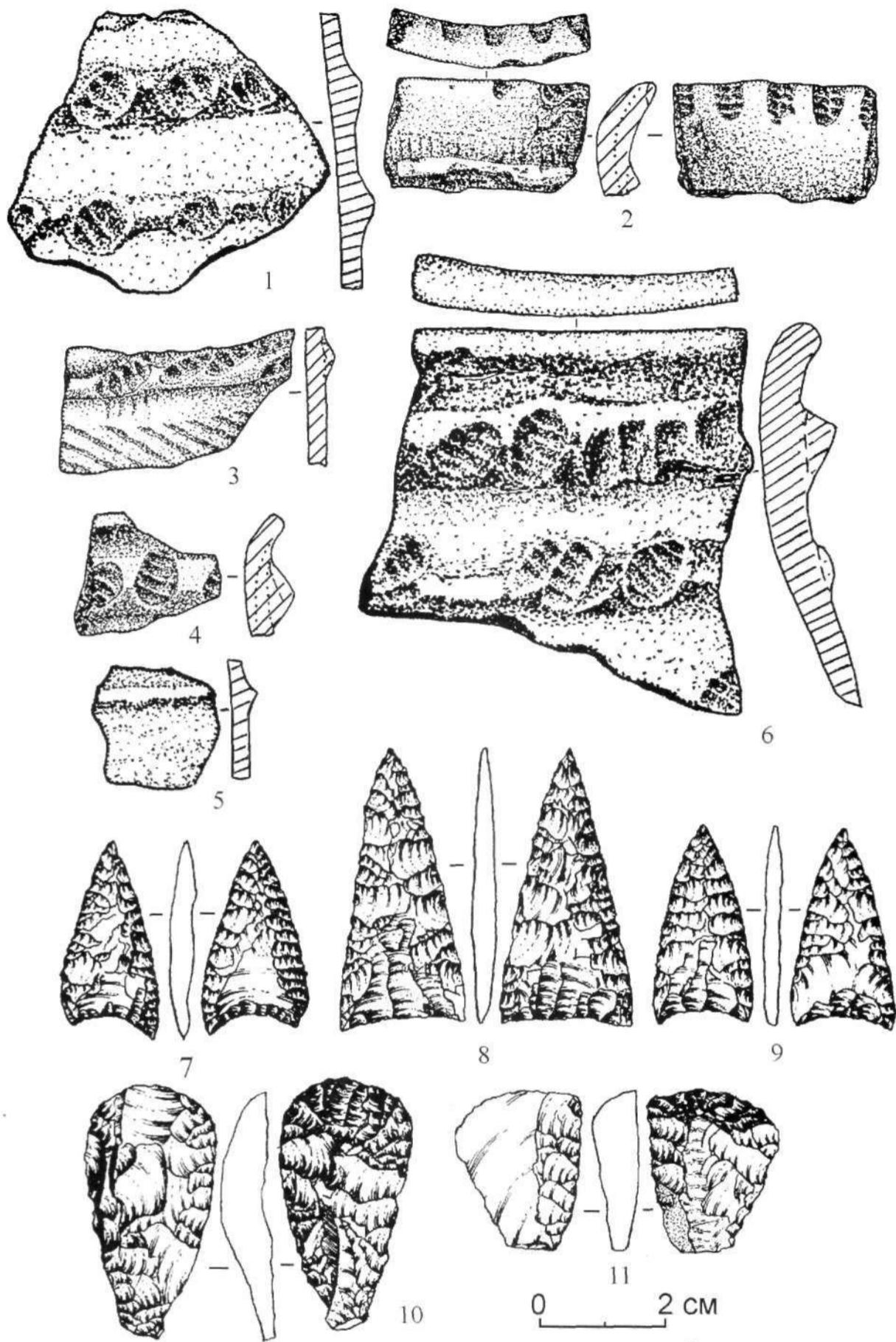

Рис. 3. Поздний комплекс керамики сеногдинского типа и изделия из кремня.
Байкальское I, слой 2: 1-6 — керамика; 7-11 — камень.

По верхнему срезу венчика шел ряд овальных вдавлений. Верхняя часть тулова украшена двумя налепными валиками, рассеченными "личиночным" штампом. Между валиками проходит пояс круглых вдавлений. Диаметр венчика 24 см, днища 17 см (Туркин, 1996).. По нагару с внутренней стенки сосуда из плиточной могилы Итерхей V получена радиоуглеродная дата 3100 ± 35 (AA-36742). К настоящему времени эта дата является наиболее древней по предбайкальской керамике сеногдинского типа и соответствует XIII в. до н.э. (Туркин, 2003).

У керамического сосуда из Итерхей V, в отличие от большей части сеногдинской керамики, отсутствует отогнутый наружу венчик, емкость закрытой формы. Подобные сосуды обнаружены и при раскопках на погребально-поминальном комплексе Байкальское XXXI (северо-западное побережье Байкала) (Харинский, 2004; Харинский, Коростелев, 2005). При расчистке кладки № 7, под которой располагался кенотаф, Г.В.Туркиным найдены фрагменты керамики (рис. 2), концентрировавшиеся вокруг крупного зольного пятна, насыщенного углями. Пятно вытянуто с севера на юг на 1,2 м, а с запада на восток на 1,1 м. В 1 м к югу от основного пятна отмечено еще одно зольное пятно меньших размеров. Угольные пятна располагались на 4-5 см ниже основания камней кладки, залегая в средней части темно-серой супеси. Уровень залегания пятен и расположенной вокруг них керамики свидетельствовал о том, что они старше, чем находящиеся рядом с ними кладки.

Всего были обнаружены остатки пяти сосудов. Все сосуды закрытой формы, устье отсутствует. Один из сосудов декорирован с внешней стороны наклонными отрисками шнура (рис. 2. 1). Венчик овальной формы. С внешней стороны, в 2,5 см от края венчика тулово сосуда украшено двумя горизонтальными параллельными прочерченными линиями, расположенными на расстоянии 1 см друг от друга. Формовка этого сосуда велась с помощью горизонтальных лент, края которых накладывались друг на друга. Нижний край ленты, образующей венчик сосуда, крепился к внутренней стороне ниже расположенной ленты. Другой сосуд покрыт с внешней стороны вертикальными отрисками шнура (рис. 2. 2). Венчик сосуда грибовидной внешне асимметричной формы диаметром 30,6 см. Утолщен за счет налета с внешней стороны. Другие сосуды имеют овальный (рис. 2. 5), прямой (рис. 2. 6) и грибовидный внутренне асимметричный (рис. 2. 7) венчики. Другие части сосуда представлены фрагментом тулова с горизонтально расположенным ушком (рис. 2. 4), фрагментом поддона? (рис. 2. 3), донной частью округлой формы (рис. 2. 8).

Благодаря помощи Я.В.Кузьмина в Аризонском университете проведен радиоуглеродный анализ нагара на внутренней части одного из фрагментов керамического сосуда, найденного у кострища. Получена дата 2750 ± 40 л.н. (AA-60794), соответствующая с учетом калибровки 1000-820 гг. до н.э. Следовательно, остатки кострища и расположенные вокруг него фрагменты керамических сосудов с отрисками шнура с внешней стороны можно датировать X -серединой

IX вв. до н.э. Как и сосуд с Итерхей, байкальские сосуды были закрытой формы. Вероятно, такая форма является характерной для сеногдинской керамики конца II - начала I тыс. до н.э.

Нижняя дата по керамике сеногдинского типа определяется по прослойке угля, перекрывающей 2 культурный слой городища-святилища Байкальское I (рис. 3), содержащий керамику с отрисками шнура, - 2140 ± 140 (JE-3390) и 2100 ± 30 (СОАН-3587). Следовательно, сеногдинская керамика бытовала на побережье Байкала до II в. до н.э. На сегодняшний день это самые поздние даты по шнуровой керамике. Предложенная хронология керамики с отрисками шнура, орнаментированной налепными валиками и личиночными вдавлениями, значительно отличается от существовавшей ранее - VII-VI вв. до н.э. (Горюнова, Черемисин, 2000). Новые данные позволяют расширить рамки ее бытования на западном побережье Байкала с XIII по I вв. до н.э.

Кроме керамики с отрисками шнура, орнаментированной налепными валиками, в двух плиточных могилах Приольхонья обнаружены фрагменты гладкостенных сосудов, украшенные горизонтальными рядами прямоу-гольных вдавлений (отступающая лопаточка). Один из них найден в могиле хужирского типа ХужирП-2 (Харинский и др., 1995: рис. 6.8), др.угой - в могиле хужир-нугойского типа - Хужир-Нугэ III-9 (Туркин, 1996). Украшение керамики отрисками отступающей лопаточки на байкальском побережье характерно для развитого бронзового века - XIII-XI вв. до н.э. (Герасимов, Черных, 1975; Горюнова, Воробьева, 1993; Goryunova, 1995; Горюнова, Черемисин, 2000). С появлением к западу от Байкала носителей культуры плиточных могил, гладкостенные сосуды, орнаментированные отрисками отступающей лопаточки, употребляются наряду с сеногдинской керамикой. Отсутствие керамики, украшенной отрисками отступающей лопаточки, в плиточных могилах тырганского типа и наличие ее в хужирских и хужир-нутойских могилах свидетельствует об ее использовании в I тыс. до н.э. прежде всего потомками «коренного» населения Приольхонья (Туркин, 1996).

Какие же культурные компоненты на западном берегу Байкала соответствовали позднему бронзовому - раннему железному веку?

1. Существование двух основных типов погребений - плиточных могил и бутухейских захоронений. Первый из них связан с переселенцами из Забайкалья и включает в себя как привнесенный компонент (плиточные могилы тырганского типа), так и элемент, адаптированный к байкальской культурной традиции (плиточные могилы хужир-нугойского и хужирского типов). Второй тип погребений имел смешанный характер и включал как "аборигенные" элементы (надмогильная кладка), так и привнесенные (ориентировка погребенного) (Туркин, 2004).

2. Наличие двух керамических традиций: новой - появившейся к западу от Байкала вместе с носителями культуры плиточных могил, и старой - уходящей корнями в ранний и развитый бронзовый век Приольхонья. Первая из них представлена керамикой сеногдин-

ского типа - сосудами с оттисками шнура с внешней стороны, орнаментированными налепными валиками, личиночными и ногтевыми вдавлениями (рис. 3 - 1-6). Вторая - гладкостенной керамикой, украшенной горизонтальными рядами вдавлений прямоугольной отступающей лопаточки.

3. Оружие представлено изделиями из бронзы, кости и камня. В плиточных могилах обнаружены бронзовые черешковые и втульчатые трехлопастные наконечники стрел (Харинский и др., 1995: рис. 6. 19; Туркин, 2003: рис. 7 - 3) и остатки сложносоставных луков. На кибите лука крепились боковые концевые накладки с арочным вырезом (Дашибалов, 1995: рис. 3. 1, 2; Туркин, 2003: рис. 17. 5) или срединная боковая накладка (Харинский и др., 1995, рис. 9). В бутухейских захоронениях найдены бронзовые ножи с каплевидным или круглым отверстием на рукояти (Харинский, 2001: рис. 23.6; Харинский, 2004: рис. 6. 1,22). На стоянках и городищах-святилищах отмечены кремневые наконечниками стрел с прямой или вогнутой базой (рис. 3. 7-9) и концевые кремневые скребки с крутым лезвием (рис. 3. 10-11).

4. Конское снаряжение включает бронзовые и костяные изделия. В бутухейских захоронениях найдены трехдырчатые костяные псалии (Харинский и др., 1995: рис. 6. 8) и бронзовая крестообразная варворка, в которой располагались кожаные ремни (Харинский, 2001: рис. 23. 7). В плиточных могилах обнаружены бронзовые удила и костяные псалии (Туркин, 2003: рис. 7. 1, рис. 12. 6,7).

5. Украшения и предметы гардероба состоят из amazonитовых и пастовых бусин, полусферических бронзовых бляшек (пуговиц), крестовидных и восьмеркообразных бляшек, бронзовых застежек с зооморфными фигурами, бляшек в зверином стиле, крюков-подвесок, бронзовых зеркал и т.д. (Свинин, 1971: рис. 4; Харинский и др., 1995: рис. 6. 1-6, 11, 13, 15; Дашибалов, 1995: рис. 3. 3,6-9; Туркин, 1998; Туркин, 2003: рис. 4. 5, рис. 7. 2, рис. 12. 1, 2, 8; Харинский, 2004: рис. 4.12-19, рис. 6.2-14,16-21).

Большинство из перечисленных категорий инвентаря, и особенно керамика сеногдинского типа, а также своеобразные погребальные конструкции - плиточные могилы сближают Байкальскую культурно-историческую область с Южным Забайкальем. Поэтому вполне уместно характеризовать существовавшую на ее территории в конце II - середине I тыс. до н.э. культуру как один из локальных вариантов культуры плиточных могил Южного Забайкалья и Восточной Монголии. В свою очередь, наличие на байкальском побережье и в Южном Приангарье бутухейской погребальной традиции, сформировавшейся еще до иммиграции «плиточников», позволяет говорить о существовании в Предбайкалье синхронной бутухейской культуры. В таком случае, байкальское побережье можно рассматривать как бикультурную область, в которой взаимодействовали представители разных культур.

Елгинский период

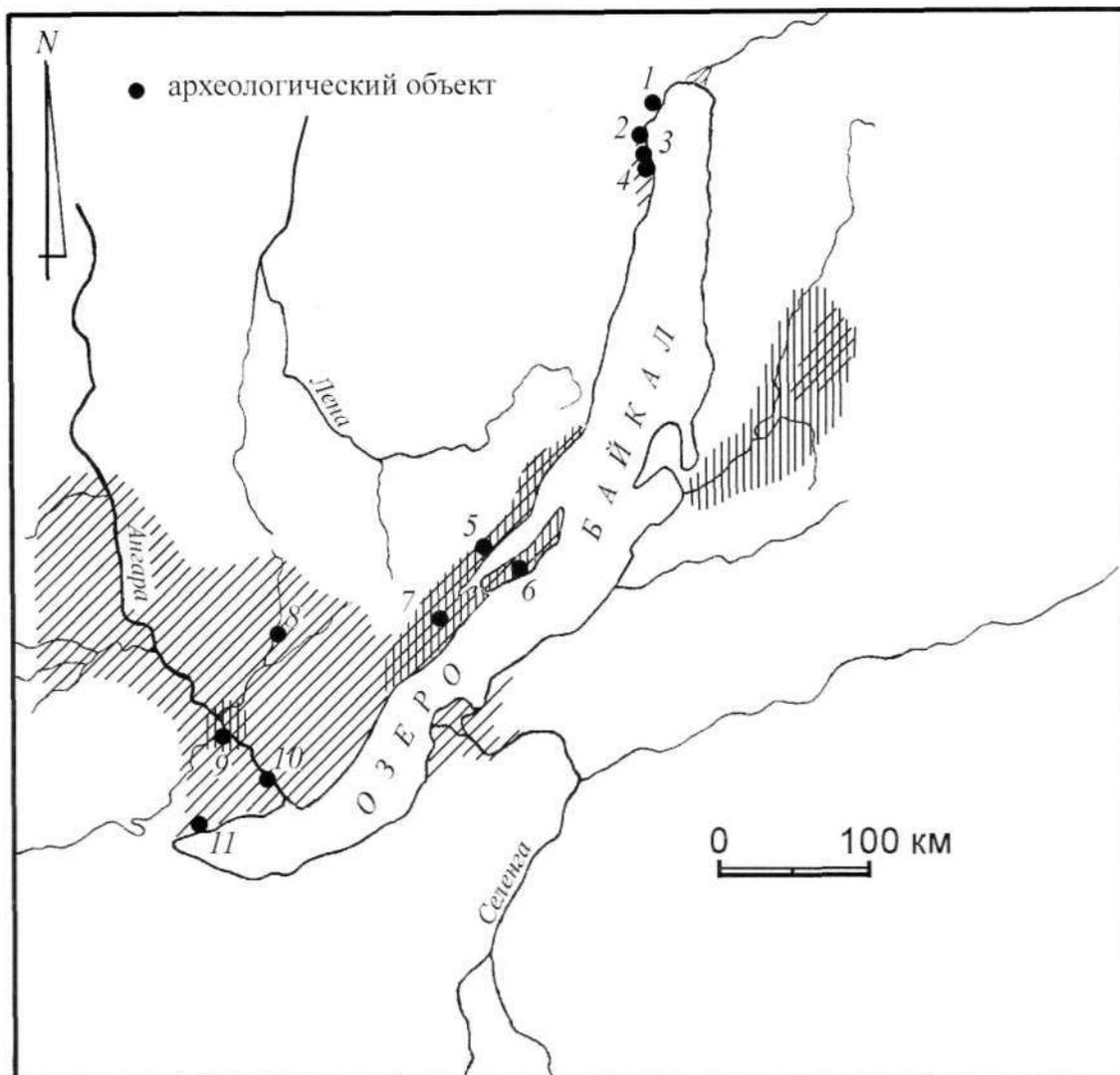
В конце I тыс. до н.э. на западном берегу Байкала происходит смена погребальных традиций, знаменует

тем самым наступление нового культурно-хронологического периода, состоящего из двух этапов, первый из которых предлагается назвать **елгинским** (III в. до н.э. - IV в. н.э.). Если придерживаться технологической классификации, то начало этого этапа можно соотнести с развитым железным веком, а предшествующий период определить как ранний железный век. Для более подробной классификации отдельных периодов истории I-II тыс., наряду с технологической, используется политическая классификация, соответствующая времени существования отдельных держав или династий (тюркский период, ханьский период и т.д.). Со II в. до н.э. по XVIII в. отдельные районы Южной Сибири периодически входили в состав какой-нибудь политики номадов, складывавшейся в Центральной Азии. Влияние, которое оказывали центральноазиатские державы на развитие Южной Сибири, трудно переоценить, поэтому при рассмотрении истории Байкальского побережья воспользуемся политической классификацией именно этого региона. Следовательно, елгинский этап Байкальской культурно-исторической области с определенной долей условности будет соответствовать хунно-сяньбийскому периоду истории Центральной Азии.

В конце III в. до н. э. в Центральной Азии складывается первая «кочевая империя». Ее основатели - хунну - подчинили своей власти многие центральноазиатские и южносибирские племена. Вероятно, некоторые из них, не желавшие подчиняться завоевателям, скрывались в труднодоступных районах Средней Азии и Южной Сибири. Такая участь постигла и население Южного Забайкалья, хоронившее своих умерших на боку с подогнутыми ногами (Коновалов и др., 1983; Цыбиктаров, 1998: 110). Повторяя путь, когда-то проделанный носителями культуры плиточных могил, они пересекли Байкал и заселили лесостепные районы Предбайкалья.

Первыми исследователями погребений с подогнутыми ногами на западном берегу Байкала были И.В.Асеев (Асеев, 1980) и В.В.Свинин (Горюнова, Свинин, 1995: 104). В дальнейшем за этим погребальным ритуалом закрепилось название **елгинский** (Горюнова, 1993). Время сооружения указанных захоронений в Приольхонье укладывается в период с III в. до н. э. по IV в. н. э., хотя не исключено, что в других районах байкальского побережья они продолжали сооружаться и позже (Харинский, 2001: 65) (рис. 4).

Елгинские сосуды были гладкостенными или покрывались с внешней стороны ромбовидными (вафельными) оттисками (технический декор). Сосуды с ромбическими оттисками имели плоское дно. Они украшались треугольными налепными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями. Одна из наиболее ранних находок подобной керамики была сделана на стоянке в Борисовской пади на Южном Байкале (Свинин, 1976), поэтому правомерно закрепить за байкальской керамикой с ромбическими оттисками название керамика **борисовского типа**. Сосуд из Борисовской пади имел уплощенное дно, слегка отогнутый венчик и раздутое тулово, сплошь покрытое рельефными ромбовидными оттисками резной

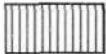
- Территория распространения елгинских погребений
- Территория распространения черенхынских погребений

Рис. 4. Карта распространения елгинских и черенхынских погребений в Прибайкалье: 1 - Курла IV, Курла VII; 2 - Богучанская XI, 3 - Байкальское III, Лударская I; 4 - Байкальское I, Байкальское II, Байкальское XXVII; 5 - Цаган-Хушун II; 6 - Тышкинэ III; 7 - Тонтинская пещера; 8 - Манхай IV; 9 - Иркутское погребение; 10 - Лесной остров III; 11 - Борисовская падь

лопаточки. Венчик орнаментирован валиком, редкими глубокими ямочками, идущими под ним, и двумя рядами глубоких ногтевых зацепов, рассекающих бортик венчика и валик (Свинин, 1976).

Остатки одного из сосудов с ромбовидными оттисками обнаружены среди камней кладки захоронения № 2 погребально-поминального комплекса Байкальское XXVII (северное побережье Байкала). Сосуд украшен рассеченным налепным валиком (рис. 5. 1). Кроме керамики в захоронении найдены: бронзовые ложечковидные подвески ремня; бронзовый нож; железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы; бронзовая сферическая бляшка;

костяной упор для сверла, являющийся деталью верхней части прибора для добывания огня трением; бронзовая бляшка с изображением рогатого животного (Харинский, 1997). На дне могильной ямы обнаружено несколько зубов, ребра, тазовые и плюсневые кости взрослого человека. Судя по их расположению, умерший был уложен головой на восток. Захоронение нарушено еще в древности, поэтому полностью восстановить погребальный ритуал не удалось. Небольшая длина могильной ямы позволяет предположить, что умерший был погребен с подогнутыми ногами. Обнаруженный инвентарь позволяет датировать комплекс № 2 Байкальского XXVII концом I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э.

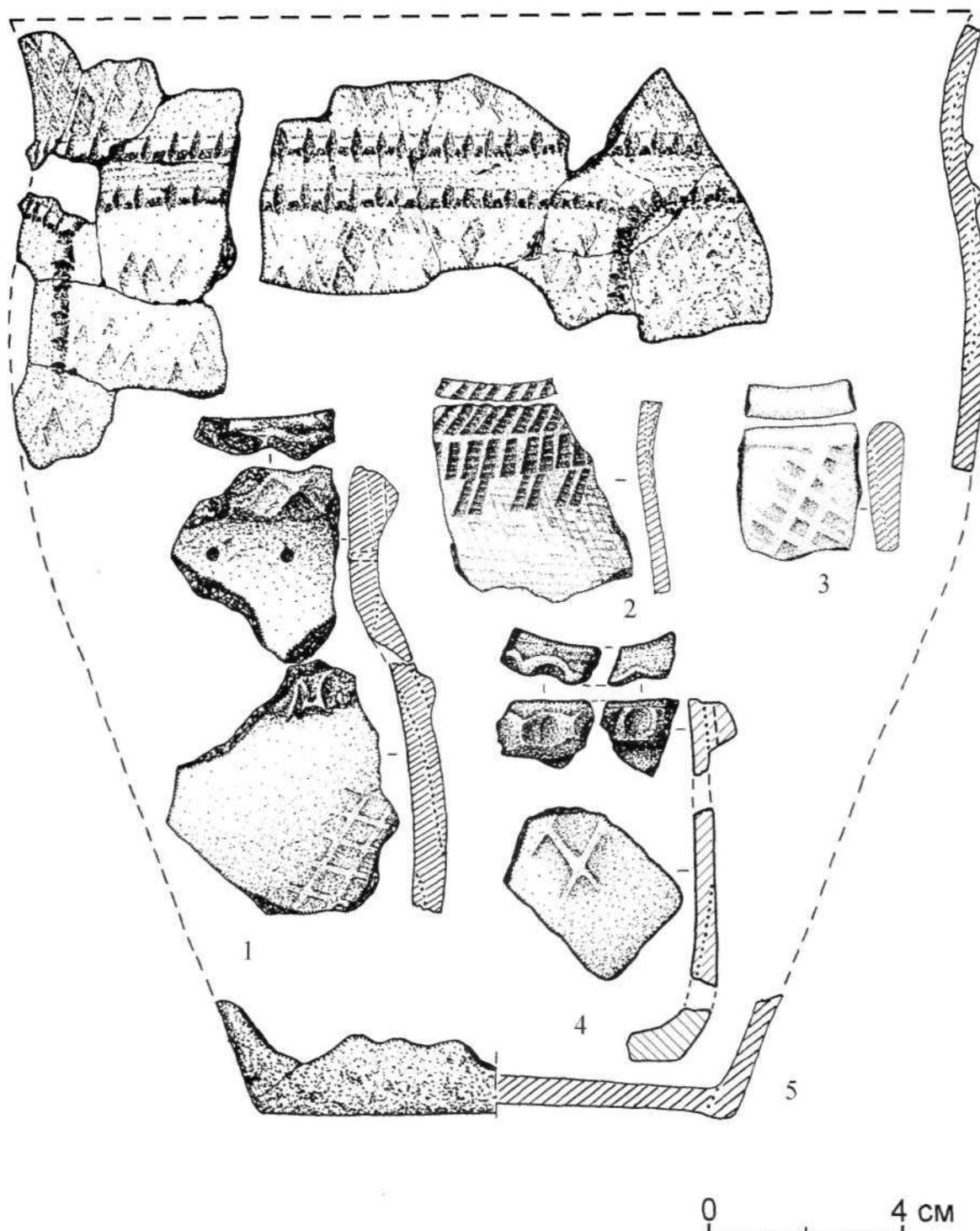

Рис. 5. Керамика с ромбическими оттисками: 1 – Байкальское XXVII, комплекс № 2; 2 – Богучанская XI; 3 – Байкальское I; 4 – Цаган-Хушун II; 5 – Байкальское II

(Харинский, 2001: 64). Фрагменты еще одного сосуда с ромбовидными оттисками найдены возле погребения № 14 могильника Цаган-Хушун II в Приольхонье. Венчик сосуда с внешней стороны украшен налепным валиком, рассеченным вертикальными вдавлениями (рис. 5.4). Захоронение было разрушено. Не потревоженным оказалось только одно погребение могильника - № 4. Если судить по нему, умершие располагались на правом боку, головой на юго-восток. Ноги подогнуты. Погребальный инвентарь захоронений датируется в пределах конца I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э., что подтверждается радиоуглеродной датой по погребению № 4 - 2050 ± 55 (СОАН-4324) (Харинский, Снопков, 2004).

Как гладкостенные, так и сосуды с ромбическими вдавлениями встречаются на байкальском побережье на разных типах археологических памятников. На городище-святилище Байкальское II сосуд с ромбическими вдавлениями обнаружен на одной из террасовидных площадок, расположенных снаружи вала. Дно его плоское, венчик не сохранился. Верхняя часть корпуса украшена двумя налепными горизонтальными валиками. Оба валика рассечены прямоугольными, треугольными в сечении вдавлениями. От нижнего валика вниз отходят вертикальные валики-фестоны (рис. 5.5). На городище-святилище Байкальское I найден фрагмент верхней части сосуда с

ромбовидными оттисками. Венчик сосуда округлый (рис. 5.3). На обоих городищах-святилищах культурный слой с керамикой борисовского типа датируется концом I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э. (Харинский, 1994).

На ряде стоянок северного побережья озера Байкал обнаружены фрагменты сосудов с ромбовидными оттисками, украшенные гребенчатым штампом. Один из таких сосудов найден на стоянке Богучанская XI. Его верхняя часть слегка отогнута наружу. Венчик прямой. По его верхней и внешней граням идут торцевые наклонные вдавления четырехугольного гребенчатого штампа. В верхней части сосуда располагается ряд таких же, но установленных вертикально вдавлений. Под ним находится ряд наклонных вдавлений, расположенных попарно (рис. 5. 2). Сосуд с подобной орнаментацией обнаружен и на стоянке Курла IV (Абдулов, Тужик, 1995: рис. 3. 4). Украшение керамики с ромбовидными оттисками наклонным зубчатым штампом фиксируется и в низовьях р.Кичеры (Цыбиктаров, 1979: 10), в Северном Приангарье (Окладников, 1937: 5; ИРОМ, кол.341) и в бассейне Витима (Ветров, Самуилова, 1990: 123). Как соотносится между собой «вафельная» керамика, украшенная гребенчатым штампом, и керамика, орнаментированная налепными валиками, в настоящее время судить сложно. Вместе эти элементы орнамента на сосудах с ромбическими оттисками пока не отмечены. Следовательно, можно предположить, что один из видов орнамента встречался раньше, а другой позже. Вероятно, более ранним временем следует датировать керамику, орнаментированную гребенчатым штампом. Она проникает на западное побережье Байкала из соседних районов, одним из которых мог быть бассейн Витима, где вафельная керамика бытовала на протяжении всего II тыс. до н.э. (Ветров, Самуилова, 1990), а может быть и дольше.

В.В.Свинин полагает, что керамика с ромбическими оттисками появляется в Прибайкалье на рубеже II-I тыс. до н.э. (Свинин, 1976). Возможно, в это время и происходит ее распространение к юго-западу от Витима, но подтверждения этого предположения пока отсутствуют. Ни в предбайкальских плиточных могилах, ни в бутухейских погребениях керамика с ромбическими оттисками не обнаружена, не упоминается она А.Д.Цыбиктаровым и среди инвентаря плиточных могил Забайкалья. Поэтому район распространения вафельной керамики, орнаментированной гребенчатыми оттисками, в Прибайкалье можно ограничить только северными районами. Вероятно, вторая волна распространения керамики с ромбическими оттисками на берегах Байкала соотносится с концом I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют ее находки в погребениях елгинского типа.

На ряде байкальских стоянок керамика с ромбическими оттисками обнаружена в одном слое с керамикой сеногдинского типа. В верхнем культурном слое стоянки Лударская I (северное побережье Байкала) ее сопровождали фрагменты керамики с оттисками шнура, украшенные налепным волнистым валиком, и железное четырехгранное шило с кольцевым

навершием (Хлобыстин, 1963: рис. 6). Такое же соседство отмечено и в III-A горизонте поселения Тышкинэ III (Горюнова, 1983), Курла IV, Курла VII (Абдулов, Тужик, 1995), что подтверждает хронологическую близость керамики сеногдинского и борисовского типов на западном берегу Байкала. В конце I тыс. до н.э. эти керамические традиции существовали синхронно. Свидетельством влияния сеногдинской керамической традиции на орнаментацию борисовских сосудов служит фрагмент керамики, обнаруженной в Тонтинской пещере. Стенки сосуда украшал волнистый валик, деформированный в результате пальцевых сжатий (Горюнова, Черемисин, 2000: рис. 3.7). Подобный орнамент достаточно часто встречается на сеногдинской керамике (Свинин, 1966: рис. 7.5; Абдулов, Тужик, 1995: рис. 4, рис. 5. 3, 10, рис. 6. 1,2), с которой, по всей видимости, и был заимствован елгинцами.

Верхним рубежом бытования борисовской керамики на байкальском побережье можно считать II-III вв. н.э., на археологических объектах более позднего времени она отсутствует, поэтому датировку вафельной керамики I тыс. н.э., предложенную О.И.Горюновой и С.А.Черемисиным (Горюнова, Черемисин, 2000 : 154), следует считать несостоятельной. Время распространения керамики с ромбическими оттисками на побережье Байкала соответствует хронологическим рамкам ее бытования в Юго-Западном Забайкалье. На поселении Дурены II вафельная керамика отмечена в 5 геологическом слое вместе с керамикой, характерной для эпохи господства хунну в Центральной Азии. Кроме 5 слоя фрагменты хуннских сосудов отмечены в слоях 7 и 6, но в них отсутствует керамика с вафельными оттисками (Миняев, 1988). Если отмеченное на поселении Дурены соотношение хуннской и вафельной керамики характерно для всего юга Западного Забайкалья, то тогда время существования этих керамических типов будет выглядеть следующим образом: хуннская керамика II в. до н.э. — III в.н.э., вафельная керамика - I-III вв. н.э.

Подводя итог, попытаемся уточнить пока еще предварительную характеристику керамики борисовского типа:

- 1) сосуды с плоским дном, покрытые с внешней стороны ромбическими (вафельными) оттисками, получаемыми в результате выбивки рифленой деревянной лопаточкой;
- 2) верхняя часть сосудов орнаментирована горизонтальными и вертикальными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями;
- 3) ареал распространения-побережье Байкала;
- 4) хронология - конец I тыс. до н.э. - начало I тыс. н.э.

Намного чаще борисовской керамики в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. встречаются гладкостенные сосуды. Они имели плоское дно или поддон (Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 4. 2. 6). Их верхняя часть украшалась налепными валиками, большинство из которых рассечены вертикальными вдавлениями, нанесенными треугольной в сечении

палочкой (Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 3. 3, 6, 8) (рис. 6. 6). В некоторых случаях налеп располагался на несколько миллиметров ниже верхнего среза венчика (Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 3. 3,5). Встречаются сосуды, украшенные нерассеченными горизонтальными валиками, от которых вниз отходят вертикальные валики (Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 3. 1). Помимо могильников подобная керамика достаточно широко представлена на других типах археологических памятников Прибайкалья, что позволяет считать ее одним из самых представительных культурных маркеров елгинского общества.

Разновидностью елгинской керамической традиции является керамика *сосновоостровского тина*, встречающаяся в культурных слоях стоянок, поселений и городищ-святилищ (Окладников, 1928; 1958; Турина, 1957; Свинин, 1966; Харинский, 1992; 1996) (рис. 6. 1-5). Она характеризуется:

1) прочерченным криволинейным орнаментом (зигзаг комбинированный подтреугольный, двусоставной овально-подтреугольный), сочетающимся, преимущественно, с налепными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями;

2) венчиками с налепами с внешней стороны;

3) наличием двух конструктивных элементов сосуда - тулова и устья.

Все перечисленные признаки не являются обязательными для каждого из сосудов сосновоостровского типа. Например, на некоторых сосудах в сочетании с прочерченным орнаментом, кроме валиков и дугообразных вдавлений, встречаются и другие элементы орнамента. Не все сосновоостровские сосуды имеют на венчике налеп, а у части сосудов, кроме устья и тулова, фиксируется еще и шейка.

На гладкостенной керамике из елгинских погребений пока не обнаружены прочерченные криволинейные орнаменты и дугообразные вдавления, но по всем остальным показателям она не отличается от сосновоостровской. Поэтому гладкостенную керамику с разных типов памятников байкальского побережья можно объединить в рамках единого керамического типа - *елгинского*, составной частью которого являются сосновоостровские сосуды. На мой взгляд, определение «сосновоостровская керамика» следует сохранить за той частью елгинской глиняной посуды, которая украшена прочерченным криволинейным орнаментом.

Хронологическими маркерами для сосновоостровских сосудов могут быть радиоуглеродные даты, сделанные по углю или костям, залегающим в одном слое с ней. Одна из дат получена по углю поселения Лесной остров III, располагавшемуся в верховьях Ангары (раскопки 1953 г.) - 2070±40 л.н. (ГИН-7640). По кости из 2 культурного слоя стоянки Манхай IV (Кудинская долина) имеется дата 2165±150 (СОАН-3585). Для северобайкальских городищ-святилищ Байкальское I (участок 55 кв.30) и Байкальское III (траншея, кв.12) соответственно получены даты 1650±140 л.н. (ЛЕ-3615) и 2030±50 (ГИН-7633). Таким образом, время существования керамики сосновоостровского типа

можно определить концом I тыс. до н. э. - началом I тыс.н.э. К настоящему времени остается открытой проблема ее происхождения. В Прибайкалье ранее конца I тыс. до н.э. прочерченные криволинейные орнаменты на глиняной посуде не фиксируются, в других районах Восточной Сибири они тоже неизвестны. Поэтому на нынешнем этапе исследований эту разновидность керамики елгинского типа можно считать автохтонной.

В целом же корни елгинской керамической традиции, как и елгинского погребального обряда, уходят в Южное Забайкалье. Ее определяющими чертами являются следующие:

1) стенки сосудов с внешней стороны имеют гладкую поверхность;

2) дно сосудов плоское;

3) среди орнаментов доминируют горизонтальные рассеченные и нерассеченные валики.

Керамика с подобными характеристиками встречается в Южном Забайкалье уже в плиточных могилах. А.Д.Цыбиктаров считает, что гладкостенные сосуды, украшенные рассеченными или нерассеченными валиками, появляются уже на чулутском этапе (XIII-VIII вв. до н.э.), а на ацайском этапе (VIII-VI вв. до н.э.) они занимают ведущие позиции в керамическом комплексе (Цыбиктаров, 1998: 121, 122). В середине I тыс. до н.э. гладкостенная плоскодонная керамика, орнаментированная горизонтальными валиками, становится доминирующей в Южном Забайкалье и часто встречается в культурных слоях этого времени (Миняев, 1988: рис.3-22; Лбова, Гречищев, 1995: рис. 2. 2, 3). С включением Южного Забайкалья в состав хуннской державы, на его территории распространяется керамика совершенно иного типа. «Наиболее характерные особенности, придающие ей исключительно своеобразный характер, - обработка поверхности сосудов лощением и орнаментация волнистыми линиями, прорезными или налепными» (Давыдова, 1985:42). Носители же предшествующих керамических традиций были вытеснены в Предбайкалье и Восточное Забайкалье или смешались с завоевателями.

При общей характеристике елгинского этапа западного побережья озера Байкал выделяется ряд культурных компонентов.

1. Существование единой погребальной традиции. Умерших располагали в могильной яме на боку с подогнутыми ногами, головой ориентировали на юго-восток. Над могильной ямой сооружалась каменная кладка овальной или четырехугольной формы. Корни елгинского погребального обряда уходят в Южное Забайкалье, откуда он был перенесен в конце I тыс. до н.э. в Предбайкалье.

2. Наличие двух керамических традиций. Первая представлена керамикой елгинского типа - гладкостенными плоскодонными сосудами, преимущественно орнаментированными налепными горизонтальными валиками. Указанная керамика появляется на западном берегу Байкала вместе с носителями елгинского погребального обряда. Местом ее формирования является Южное Забайкалье. В составе елгинской керамической традиции выделяется

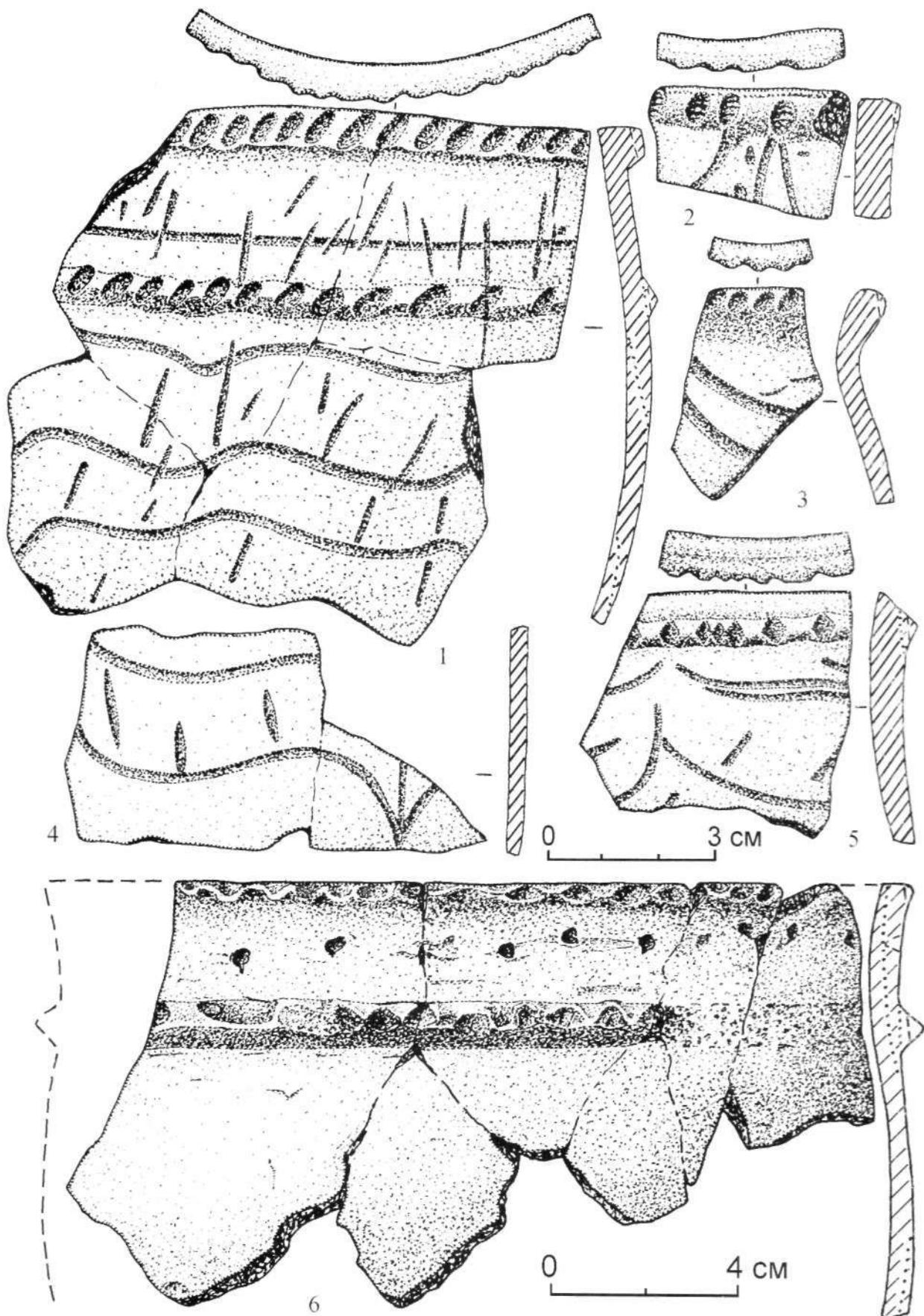

Рис. 6. Керамика елгинского типа: 1 – Лесной остров, раскоп 1953 г.; 2-4 – остров Кочерга, сборы 1928 г.; 5 – Усть-Белая II, раскоп 1957 г.; 6 – Цаган-Хушун II, комплекс № 8

сосновоостровская керамика, украшенная прочерченными криволинейными орнаментами. Вторая керамическая традиция характеризуется керамикой борисовского типа. С внешней стороны борисовские сосуды покрыты ромбическими (вафельными) оттисками и орнаментированы горизонтальными и вертикальными наклепными валиками. Локализовать район формирования керамики борисовского типа в настоящее время можно достаточно широко - к востоку и северо-востоку от Байкала. На байкальском побережье она существовала недолго - в конце I тыс. до н.э. и, возможно, в самом начале I тыс. н.э.

3. Оружие представлено сложносоставными луками с концевыми боковыми накладками, имеющими вырез для крепления тетивы (Харинский, 2004: рис. 2. 6, 7). Среди наконечников стрел преобладают костяные с расщепленным насадом, линзовидные и треугольные в сечении (Асеев, 1980: табл. XI - 3; Харинский, 2002: рис. 2). Железные наконечники малочисленны. Встречены черешковые трехлопастные и четырехгранные наконечники стрел (Асеев, 1980: табл. IX - 4). Отмечены бронзовые и железные ножи. Вторые имеют как кольчатые, так и черешковые насады (Асеев, 1980: табл. X - 3; Харинский, 2004: рис. 2. 10).

4. Конская упряжь к настоящему времени представлена единственной находкой - железными кольчатыми удилами (Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 4- 1).

5. Украшения и предметы гардероба включают вещи, связываемые с хуннской культурной традицией: ложечковидные подвески; бляшки с зооморфными изображениями, четырехугольные и фигурные поясные пластины, ременные пряжки (Асеев, 1980: табл. VIII - 1; Харинский, 2004а). Среди остальных вещей следует отметить железные и бронзовые сферические бляшки-пуговицы (Асеев, 1980: табл. VIII - 2, 3; Горюнова, Пудовкина, 1995: рис. 3.4, 7, рис. 4. 3; Харинский, 2002: рис. 2. 1-5), четырехлепестковые (крестовидные) бляшки (Харинский, 2002: рис. 2. 6; Харинский, 2004: рис. 2. 8, рис. 4. 11), железные бабочковидные бляшки (Харинский, 2004: рис. 2. 9, 11, рис. 4. 7-10), бляшки с грифонными головами (Харинский, 2004: рис. 4. 2, 6).

Кроме Байкальской культурно-исторической области большинство из перечисленных культурных компонентов, характеризующих елгинский этап, фиксируется и в Ангаро-Ленской области. Вероятно, на территории этих двух смежных областей проживало население, обладающее общим культурным достоянием, что позволяет объединить их в рамках одной археологической культуры - елгинской. Переселившись в конце I тыс. до н.э. из Забайкалья, протоелгинцы, вместе с потомками бутухейцев и плиточников, сформировали собственную региональную культуру, испытывавшую значительное культурное и политическое влияние со стороны своих юго-восточных соседей - хуннов.

Черенхынский этап

В середине I тыс. в Приольхонье происходит эволюция погребального обряда. С V в. уже не фиксируются захоронения, в которых погребенные ориентированы головой на юго-восток. Исчезают

четырехугольные надмогильные кладки. Распространяется новый погребальный обряд - *черенхынский*, генетически связанный с захоронениями елгинского типа. Поэтому о периоде с V в. по VII в. в Приольхонье можно говорить, как об очередном культурно-историческом этапе - **черенхынском**. Помимо Приольхонья одно погребение черенхынского типа раскопано на территории города Иркутска. В других частях Предбайкалья пока не исследованы захоронения середины I тыс., поэтому судить об изменениях в погребальном обряде этих районов не представляется возможным. До появления новых данных закономерно период со II в. до н.э. по VIII в. н.э. для большей части Предбайкалья представлять как единый период - елгинский.

Черенхынские захоронения Приольхонья характеризуются расположением погребенного на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток, северо-восток или север. Над могилой сооружалась плоская овальная кладка. О причинах, повлиявших на изменение елгинского погребального обряда в Приольхонье, можно только догадываться. Возможно, они связаны с культурным влиянием, распространявшимся из Баргузинской долины, где умерших уже в начале I тыс. хоронили головой на северо-восток (Харинский, 2001: 69). Но вполне вероятны и другие факторы, способствовавшие формированию черенхынского погребального обряда.

В черенхынских захоронениях широко представлены железные трехлопастные наконечники стрел, встречены стремена с высокой пластинчатой дужкой и прямоугольной петлей, бронзовые колты, крючковидные бронзовые серьги с уплощенным насадом, оканчивающимся спиралевидным рисунком, бронзовая А-образная подвеска. Керамика представлена гладкостенными плоскодонными сосудами, украшенными прочерченным скобовидным орнаментом и небольшими круглыми вдавлениями (Дашиба-лов, 1995: рис. 33, рис. 42). Указанный орнамент является модификацией наклепных валиков с загибающимися вниз концами, которыми украшалась предбайкальская керамика в конце I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. На приольхонской керамике середины-конца I тыс. уже не встречаются наклепные валики и прочерченный «растительный» орнамент, характеризующий сосуды сосновоостровского типа.

Этническая история

Традиционно археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории лесостепного Предбайкалья сопоставляются с курыканами (гулиганиями) - одним из телеских (гаогюйских) племен. Попытаемся выяснить, насколько правомерна такая интерпретация. До III в. до н.э. теле жили к западу от Ордоса. В конце IV в. они переселяются на север (Бичурин, 1951: 213-214). В V-VI вв. теле кочевали к северу от пустыни Гоби на обширных пространствах - от Большого Хингана до Тянь-Шаня. Вероятно, к V в. следует отнести проникновение теле на юг Сибири - в верховья Енисея. Тункинскую долину, низовья Селенги и Поононье. В этих районах поселились племена дубо-

гулигань, хусье и байегу. Появление нового населения на юге Прибайкалья, вероятно, не прошло бесследно для обитавших там народов. Частично они были вытеснены в другие районы, а частично смешались с пришельцами. Археологические источники пока не дают возможности достаточно четко обрисовать этнокультурную обстановку, существовавшую в Южном Забайкалье до появления теле. Немногочисленные данные позволяют выделить два культурных пласта, сформировавшихся здесь: 1) хуннский, представленный погребениями в деревянных срубках и ориентировкой умерших на север; 2) дохуннский или протодарасунский, характеризующийся труположением на боку с подогнутыми ногами (Харинский, 2001:69). В начале I тыс. н.э. происходит смешение этих элементов погребального обряда. Примером такого взаимодействия культур является несколько забайкальских захоронений. Одно из них исследовано на могильнике Кия XIII (№ 5) (р.Шилка) (Ковычев, Ковычев, 1996) и два - на могильнике Баргай (№№ 3,4) (среднее течение р.Селенга). Кладки баргайских могил имели овальную кольцевую форму, вытянутую на север. Глубина могильных ям 1,20-1,35 м. На дне находились четырехугольные срубы. Погребенные располагались на правом боку, скорченно. Среди находок - костяные наконечники стрел с расщепленным и втульчатым насадом, концевые накладки лука, трехлопастной и четырехлопастной железные наконечники стрел, костяной игольник (Коновалов, 1983: 11-13).

Согласно китайским источникам, племена теле были одним из ответвлений хунну, поэтому можно предположить, что они относились к одной с ними языковой группе - прототюркской. Если придерживаться такой точки зрения, то начало процесса тюркизации Южного Забайкалья можно соотнести со II-I вв. до н.э., когда оно вошло в состав державы хунну. О языковой принадлежности хуннских предшественников в Забайкалье - протодарасунцев, судить сложно. По китайским источникам, ко времени завоевания Южной Сибири хуннами там проживал народ динлинь. Динлинь делились на две группы, одна из которых - западная - обитала в Притяньшанье, другая - восточная - к югу от Байкала, по соседству с ухуанями (Таскин, 1973: 75). Сведения о родственных связях динлинов с хуннами отсутствуют, поэтому говорить об их тюркоязычности достаточно проблематично. Расселение динлинов в Южном Забайкалье во второй половине I тыс. до н.э. позволяет считать их носителями погребальных традиций, которые определяются как протодарасунские. По мнению В.С.Таскина, восточные динлины в середине I тыс. н.э. вошли в состав племен шивэй (Таскин, 1973: 139), но археологические данные позволяют усомниться в этом. Восточные динлины, как раз и были тем субстратом, на основании которого произошло формирование дарасунской археологической общности.

Происхождение забайкальских динлинов можно рассматривать с двух позиций: 1) автохтонная линия развития и 2) переселение из более южных районов. К настоящему времени наиболее ранние протодарасунские погребения в степном Забайкалье датируются

V в. до н.э. (Цыбиктаров, 1998: 110), приходя на смену плиточным могилам. Для периода с конца II по начало I тыс. до н.э. захоронения с труположением на боку с подогнутыми ногами в Забайкалье не отмечены. Правда, в более раннее время - в конце III - начале II тыс. до н.э. подобные погребения фиксируются в лесных районах Южного Забайкалья - на Хэнтэй-Чикойском нагорье и объединяются А.Д.Цыбиктаровым в рамках хэнтэйской культуры (Цыбиктаров, 2002). Одно из таких захоронений, исследованное на Усть-Мензе V, находилось под каменной кладкой овальной формы. Погребенный располагался на левом боку, ноги поджаты, головой ориентирован на восток (Родникова, Селин, 1986). Возможно, этот погребальный ритуал сохранялся на Хэнтэй-Чикойском нагорье и в последующее время, став прототипом погребального обряда протодарасунцев, но, к сожалению, сведения об этом пока отсутствуют.

Переселенческая теория происхождения протодарасунского населения Забайкалья основывается на гипотезе о южном происхождении динлинов - как одного из представителей белокурой расы. По мнению Г.Е.Грум-Гржимайло, к концу V в. до н.э. динлины окончательно были вытеснены с территории современных китайских провинций Чжили и Шанси. «К этому времени и должно быть отнесено, согласно китайским сведениям, первое переселение их на север - в Маньчжурию, к озеру Байкал и в Алтайско-Саянский горный район» (Грум-Гржимайло, 1998: 345). Поддерживая гипотезу Г.Е.Грум-Гржимайло о белокурой расе, к которой принадлежали четыре древних народа Центральной Азии: кыргызы на верхнем Енисее, динлины в Прибайкалье, усунь и бома Саяно-Алтая. Л.Н.Гумилев считает, что динлины попадают в Сибирь из Китая около XVIII в. до н.э. Этот факт находит подтверждение в китайской истории. В 1764 г. до н.э. на север были выселены сторонники низвергнутой династии Ся. Царевич Шун Вэй и его спутники поселились с кочевниками и приняли их образ жизни. Сибирские динлины исчезают с исторической арены в середине II в., став основой для формирования енисейских кыргызов. Другой сибирский белокурый народ - бома, был распространен очень широко от Алтая до Байкала. При этом, бома - просто кличка, подлинное название этого народа в китайской передаче: бице-бике и олочже (Бичурин, 1951:350). В среднеазиатских источниках этот народ упоминается под именем бикин и алакчин. Северные бома (алакчины и бикины), при антропологическом сходстве с динлинами, отличаются от них этнически (Гумилев, 1998).

Вне зависимости от той или иной версии происхождения восточных динлинов вырисовывается следующая картина этнической истории прибайкальских племен в хунно-тюркский период. В конце I тыс. до н.э. часть восточных динлинов (протодарасунцев) под натиском хунну переселяется на северо-запад - в Предбайкалье, знаменуя наступление в этой части Восточной Сибири нового культурно-исторического этапа-елгинского. В это время в Южном Забайкалье происходит процесс тюркизации динлинского населения и его частичного смешения с хуннами. Около V в

н. э. на территории Южной Сибири расселяются телеские племена. Их появление в Забайкалье, вероятно, вызвало волну переселений. Обитатели Селенгинской долины двинулись в Баргузинскую долину, а оттуда в Приольхонье, принеся с собой новый погребальный обряд - черенхынский. Видимо, с этого времени можно говорить о начальном этапе тюркизации в Предбайкалье. Произошедшие в связи с этим культурные изменения можно рассматривать как трансформацию елгинских традиций под воздействием новых этнических элементов. При этом этнический облик обитателей Приольхонья не претерпел существенных перемен. Переселившиеся сюда в конце I тыс. до н.э. динлины сохраняли свой язык и основные элементы культуры. Правда, не исключено, что та часть елгинцев-динлинов, которая расселилась в Приангарье, стала основой для формирования народа бома-алакчинов. Племена теле в это время в Приангарье и Приольхонье еще не проживали.

Расселение в Приольхонье представителей одного из телеских племен гулигань (курукан) относится лишь к VIII в. Это связано с появлением на западном берегу Байкала новых типов захоронений - *куркутских* и *харанцинских*. В истории Байкальского побережья наступает **харанцинский** период. Районами, из которых в Приольхонье переселяются носители куркутского погребального обряда, вероятно, были Тункинская долина и низовья Селенги. Именно в этой области проживал с середины I тыс. н.э. народ гулигань-курукан. Своих умерших куркутцы хоронили вытянуто, на спине, головой на восток - северо-восток. Иногда могила перекрывалась камнями или продольными жердями. Надмогильная конструкция представляла собой плоскую каменную кладку овальной или круглой формы. Почти одновременно с куркутскими в Приольхонье появляются захоронения харанцинского типа (конец VIII в.). Погребальный обряд харанцинцев схож с куркутским, разница заключается лишь в наличии берестяной внутримогильной конструкции (чехол, покрывало, подстилка), в которую харанцины помещали умерших. Район формирования харанцинских погребальных традиций, вероятно, располагался к востоку от Байкала и был связан с продвижением предков эвенков на запад (Харинский, 2001: 114). Таким образом, новая волна тюркизации западного побережья Байкала соотносится с VIII в. Но процесс этот так и не был полностью завершен. Одновременно с тюрками на байкальском побережье появляются предки эвенков, пришедшие с востока, а с XII в. сюда все активнее начинают проникать монголоязычные племена. Они и становятся доминирующим этническим элементом в лесостепной части байкальского побережья в середине II тыс. н.э.

Заключение

В период с I тыс. до н.э. по I тыс. н.э. в жизни населения западного побережья озера Байкал произошли значительные культурные, экономические и социальные изменения. С распространением полукочевого скотоводства, лесостепное Предбайкалье

становится составной частью Центральноазиатской цивилизации кочевников. Поэтому все культурно-исторические процессы, происходившие в степях Монголии, находили отражение и на байкальском побережье. И хотя территория Предбайкалья не входила в состав ни одной из держав кочевников, отголоски политических перипетий, происходивших на юге, докатывались до берегов Байкала. Одним из проявлений этих явлений были миграции скотоводов из Южного Забайкалья. Хотя, зачастую, эти процессы были обусловлены климатическими изменениями или демографическими процессами. Тем не менее, за два тысячелетия наблюдается три волны миграции из Забайкалья, приведшие к этнической трансформации населения западного побережья Байкала и наступления новых культурно-хронологических периодов. Их выделение основано, прежде всего, на изменениях в погребальном ритуале жителей байкальского побережья. Внутри каждого из них можно выделить этапы, свидетельствующие об эволюционных процессах происходивших в обществе.

Первый из периодов предлагается именовать бутухейским. Он включает два этапа: бутухейский и хужирский. Бутухейский этап датируется XIV-VII вв. до н.э. Он характеризуется распространением в Предбайкалье бутухейских погребальных традиций, которые в конце I тыс. до н.э. дополняются плиточными могилами тырганского типа. В это время на западном берегу Байкала начинает распространяться скотоводство, вскоре ставшее основой хозяйственной деятельности значительной части населения. На хужирском этапе в VII-III вв. до н.э. в Предбайкалье появляются новые группы носителей культуры плиточных могил. В это время получают распространение погребальные конструкции хуторукского, хужирского и хужирнугойского типа, продолжают сооружаться бутухейские захоронения. Большая часть орудий труда в бутухейский период изготавливалась из камня, кости и бронзы. На хужирском этапе появляются первые изделия из железа. Преобладающей становится керамика сеногдинского типа, покрытая снаружи оттисками шнура и орнаментированная наклепными валиками, личиночными и ногтевыми вдавлениями.

Елгинский период состоит из елгинского и черенхынского этапов. Первый из которых охватывает III в. до н.э. - IV в.н.э., а второй V-VIII вв. В это время распространяется новый погребальный обряд, характеризующийся расположением умерших на боку с подогнутыми ногами. На елгинском этапе они преимущественно ориентированы на юго-восток, на черенхынском - на северо-восток. В это время исчезают из употребления каменные изделия, и большая часть орудий труда начинает изготавливаться из железа. На елгинском этапе получают распространение две керамические традиции - борисовская и елгинская. Борисовские сосуды покрывались с наружной стороны ромбическими оттисками, орнаментировались горизонтальными и вертикальными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями. Сосуды елгинского типа имели гладкие стенки и украшались

горизонтальными налепными валиками. В составе елгинской керамической традиции выделяется сосновоостровская керамика, украшенная прочерченными криволинейными орнаментами. На черенхынском этапе не встречается борисовская и сосновоостровская керамика. Сокращается количество элементов орнамента, использовавшихся для декорирования сосудов, исчезает налепной валик.

Носителей елгинской погребальной традиции можно сопоставить с восточными динлинами, часть которых в конце I тыс. до н.э. переселилась из Южного Забайкалья в Предбайкалье, Около V в. н. э. на территории Южной Сибири расселяются телеские племена. Их появление в Забайкалье вызвало волну переселений. Обитатели Селенгинской долины двинулись на побережье Байкала, принеся с собой новый погребальный обряд - черенхынский. Произошедшие в связи с этим культурные изменения можно рассматривать как эволюцию елгинских традиций под воздействием новых этнических элементов.

Харанцинский период знаменуется распространением на байкальском побережье захоронений харанцинского и куркутского типов. В это время умерших хоронили вытянуто, на спине, головой преимущественно на северо-восток. Для первого типа погребений характерно наличие в могиле берестяной конструкции (чехол, покрывало, подстилка), а для второго - отсутствие внутримогильной конструкции. Предварительно носителей куркутского погребального обряда можно сопоставить с гулиганями, проживавшими с середины I тыс. н.э. в Тункинской долине и низовьях Селенги. Харанцинский погребальный обряд можно соотнести с эвенками, переселившимися из Северного Забайкалья. С XII в. на западное побережье Байкала начинают проникать монголоязычные племена, ставшие в XIII в. доминирующим этническим элементом в степенной части байкальского побережья, залесенную часть которого занимали эвенки.

Литература

- Абдулов Т.А., Тужик Л.Л., 1995 Керамические комплексы местонахождений Курлинской бухты // Байкальская Сибирь в древности.- Иркутск, 1995.- С. 175-192.
- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века.- Новосибирск, 1980.- 149 с.
- Бичурин Н.Я., 1950 Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.- Ч. 1.- М.:Л.. 1950.-381 с.
- Ветров В.М., Самуилова О.В., 1990 Новое направление в археологии Верхнего Витима:(эпоха палеометалла)// Палеоэтнология Сибири: Тез. Докл.-Иркутск, 1990.-С.122-124.
- Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном

контексте и исторической перспективе.- Улан-Удэ, 1996.-Ч.2.-С.11-13.

Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975 Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири.-Л., 1975.-С.23-48.

Горюнова О.И., 1983 Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III: (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья,- Новосибирск, 1983.- С.70-75.

Горюнова О.И., 1993 Ранний железный век на территории Предбайкалья: (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: (тез. и материалы науч. конф.). - Улан-Удэ, 1993.- С.76-80.

Горюнова О.И., 1995 Работы Восточно-Прибайкальского отряда в Приольхонье (оз. Байкал) // Обзорные-93: Сб. науч. тр.- Новосибирск, 1995.- С. 193-194.

Горюнова О.И., Воробьева Г. А., 1993 Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности.-Барнаул, 1993.-С.94-118.

Горюнова О.И., Пудовкина Е.А., 1995 Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности.-Иркутск, 1995.-С. 154-174.

Горюнова О.И., Савельев Н.А., 1991 Улан-Хада// Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири.-Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991.-С.125-133.

Горюнова О.И., Свинин В.В., 1995 Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркут.обл. / Отв. ред. Г.И. Медведев. - Иркутск: Арком, 1995.-Ч.1: Остров Ольхон. - 140 с. .2 карты. - (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология).

Горюнова О.И., Черемисин С.А., 2000 Пещера Тонта - разновременный памятник Приольхонья (оз.Байкал) // Байкальская Сибирь в древности.-Иркутск, 2000.- Вы.2., ч. 2.- С. 146-165.

Грум-Гржимайло Г.Е., 1998 Белокурая раса в Средней Азии // История народа хунну.- М., 1998.- Кн. 1.- С.340-360.

Гумилев Л.Н., 1998 Динлинская проблема // История народа хунну- М., 1998.- Кн. 1.- С.319-339.

Турина Н.Н., 1957 Полевой дневник Ангарской экспедиции 1957 г. // Архив ИИМК РАН.- Ф.35, д. 180.

Давыдова А.В., 1985 Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье.-Л., 1985.- 109 с.

Дашибалов Б.Б., 1995 Плиточные могилы острова Ольхон // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ. 1995.-С. 79-83.

Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е., 1986 Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока.- Иркутск, 1996.-С. 100-103.

Коновалов П.Б., 1983 Отчет о полевых археологических исследованиях 1982 года в Бурятской

АССР.- Архив ИА РАН.- Р. 1, № 9125.- 97 л.- (Улан-Удэ, 1983).

Коновалов П.Б., Свинин В.В., Зайцев М.А., 1983 Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. - Новосибирск, 1983.-С. 85-101.

Лбова Л.В., Гречишев Э.Р., 1995 К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ, 1995.-С. 7-17.

Миняев С.С., 1988 Дурены II - многослойное поселение в Западном Забайкалье,- СА.- 1988.- № 2.- С.228-233.

Окладников А.П., 1928 Разведка 1928 г. по реке Ангаре // МАЭ.- № 6309.

Окладников А.П., 1937 Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г.- 32 л. // Архив ИА ИИМК РАН.- Ф.2, оп. 1, д.222.

Окладников А.П., 1958 Археологические работы в зоне строительства Ангарских гидроэлектростанций: (общие итоги) // Зап. / Иркут. обл. краевед. музея.-1958.- С. 17-28.

Родникова Е.А., Селин В.В., 1986 Усть-Менза-5: погребение бронзового века// Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. Докл. Всесоюз. Конф.- Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986.-Ч.2.-С.74-75.

Свинин В.В., 1966 Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 гг. / Отчеты археологических экспедиций за 1963 -1965 гг. - Иркутск, 1966.-С.50-69.

Свинин В.В., 1971 Тырганский могильник // Вопросы истории Сибири, ученые записки, вып. 4, ч. 1 -Иркутск, 1971.- С. 140-144.

Свинин В.В., 1976 Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. / ВСОГО СССР.- Иркутск, 1976.- Т.69.- С. 167-179.

Таскин В.С., 1973 Материалы по истории сюнну-М., 1973.-Вып. 2.

Туркин Г.В., 1996 Керамика плиточных могил Предбайкалья // Керамика как исторический источник. -Тобольск, 1996.- С.81-82.

Туркин Г.В., 1998 Некоторые вопросы изучения плиточных могил Приольхонья // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока.- Улан-Удэ, 1998.-С.69-72.

Туркин Г.В., 2003 Лесостепное Предбайкалье в конце II -I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. - Иркутск., 2003. - 24 с.

Туркин Г.В., 2004 Особенности погребальных традиций населения эпохи поздней бронзы - раннего железа лесостепного Предбайкалья // Вестник / Иркутского государственного технического университета- 2004. -№ 4 - С.25-31

Туркин Г.В., 2004а Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце II-I тыс. до н.э. (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ 2004. - Вып. 2. - С.82-92.

Харинский А.В., 1992 Об орнаментике керамического комплекса городища Байкальское I // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии.- Новосибирск, 1992.- С. 116-135.

Харинский А.В., 1994 "Городища" побережья озера Байкал в железном веке: Автореф. дис.... канд. ист. наук.-Новосибирск, 1994.- 18 с.

Харинский А.В., 1996 О керамических традициях байкальских берегов в I тыс. н. э. // Керамика как исторический источник. - Тобольск, 1996.- С. 62-64.

Харинский А.В., 1997а Исследования памятников эпохи металла на оз.Байкал // Археологические открытия 1996 года.- М.,1997.- С.365-367.

Харинский А.В., 2001 Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. - сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация.- Иркутск, 2001.-198 с.

Харинский А.В., 2002 Погребальный обряд населения Приольхонья на рубеже эр // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии.- Владивосток, 2002.- С. 112-125.

Харинский А.В., 2004 Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н. э. - начале I тыс. н. э.: по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. - Вып. 2.- С. 134-150.

Харинский А.В., 2004а Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс до н.э. - начала II тыс н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов / Под. Ред. Ю.В.Кирюшина, А.А.Тишкина.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.-С. 108-114.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В., 1995 Плиточные могилы Приольхонья // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ, 1995. - С. 64-78.

Харинский А.В., Карнышев И.С., 2003 Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее / Материалы региональной научно-практической конференции. 12-15 ноября 2003 г.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003.- С. 137-141.

Харинский А.В., Снопков С.В., 2004 Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004.- Вып. 2.- С. 167-187.

Хлобыстин Л.П., 1963 Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1963 году- 15 л. //Архив ИА РАН.- Р.-1, № 2748.

Цыбиктаров А.Д., 1979 Отчет о полевых исследованиях летом 1978 года на Северном Байкале.- Улан-Удэ, 1978.-54л.//АрхивИАРАН.-Р-1,№7413.

Цыбиктаров А.Д., 1998 Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья.- Улан-Удэ, 1998.- 286 с.

Цыбиктаров А.Д., 2002 Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III - начале II тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии.-2002.-№3.-С.107-123.

Goryunova O.I., 1995 The Early and Developed Bronze Age in the Cis-Baikal Territory // Korean Ancient Historical Society.- Seoul, Korea.- 1995.-№ 18.- P. 627-648.

Summary

This article is devoted to the archaeologically documented history of western coast of Lake Baikal in I millennium BC - I millennium AC Author divides this time in to several sages (Butuheisky, Elginsky, Cherenhyn-

sky and Kharantsynsky stages) and characterizes every one by the modes of mortuary behavior, ceramic and metallic implements types. Upon this evidences he tries to decide weather the cultures of this stages were autoh-tonic, strange or complex, consisted of both components. Finally, author correlates the archaeological outline of the history of this region with the ethnic scheme of occupation known or constructed from the writing historic sources.